

Реструктуризация сети сельских общеобразовательных школ: документ надежды или... памятник исчезнувшим деревням

Марина ГУРЬЯНОВА, ведущий научный сотрудник Института педагогики социальной работы РАО, руководитель ВНИК «Сельская школа и социум», доктор педагогических наук

Реструктуризация школы на селе не должна определяться задачей экономии бюджетных средств, поскольку во множестве сельских местностей именно школа выполняет функции основного центра социокультурной жизни.

Из доклада министра образования РФ В.М. Филиппова на Государственном совете Российской Федерации

За последние 15–17 лет правительство обратило, наконец, взор на сельскую школу: принято постановление «О реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности». Сколько их было, таких благих намерений — облегчить участь сельской школы, создать благоприятные условия для её деятельности! Но все они заканчивались лишь широковещательными декларациями.

Вот и новый документ вызвал неоднозначное отношение: образовательное сообщество и общественность опасаются, что и на этот раз за словами заботы о благе сельской малочисленной школы последует её уничтожение.

Опасение небеспочвенное: это мы уже «проходили» в 60–70-х годах, когда академик Т. Заславская обрекла тысячи российских деревень на вымирание, объявив их «неперспективными». Тысячи малокомплектных школ были ликвидированы, что действительно лишило тысячи российских деревень перспективы. На маленьких фермах хозяйств, в отдалённых бригадах, некому было работать, поля заросли сорняками. С этой катастрофой мы до сих пор не справились и по сей день. Такова социально-экономическая плата за непродуманные умствующие концепции, оторванные от реалий жизни.

О судьбе сельской школы, о способах реализации нового правительственного документа — предлагаемая вам статья.

Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2001 г. «О реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности», информация о появлении которого так взбудоражила общественное мнение задолго до его выхода в свет, стал реальностью.

Как будут дальше развиваться события, покажет время. Станет ли этот документ «молохом», уничтожающим малочисленные школы России, коверкающим судьбы тысяч сельских учителей, способствующим исчезновению малых деревень, или он явится стартовой базой для системной модернизации сельской школы, в чём она остро нуждается? Не исключаем и вариант, при котором документ «потеряется» в череде непродуманных или вынужденных шагов правительства, о существовании постановления постараются забыть, а его выполнение будет просто проигнорировано... Пока не ясна стратегия действий губернаторов, которым предстоит принимать конкретное решение по реструктуризации сети сельских школ в своих регионах.

К сожалению, инициатива в разработке этого документа принадлежит не Министерству образования РФ, а — Министерству торговли и экономического развития РФ. Автор статьи в составе рабочей группы, созданной Департаментом общего образования Минобразования РФ, принимал участие в разработке Концепции. Однако окончательный вариант документа не включил многих принципиальных идей, высказанных членами рабочей группы. Он характеризуется размытостью формулировок, трактовок, требует расширен-

ных комментариев.

В последние пятнадцать лет это первый документ Правительства РФ, напрямую адресованный сельской школе. Отвечает ли он социальным ожиданиям сельского учительства? Потребностям сельской школы ожидающей кардинальных перемен? Интересам крестьян? Противоречивый и двусмысленный характер документа не позволяет ответить на этот вопрос однозначно. Значительная часть руководителей и учителей малочисленных основных и средних школ воспринимают его, как очередной удар по малочисленной школе: ждали поддержки — получили «реорганизацию».

Для сельских учителей, работающих в школах райцентров, пригородных районах, документ даёт надежду на структурную перестройку сельской общеобразовательной школы, изменение её статуса, развитие таких типов общеобразовательных учреждений на селе, как гимназия, лицей, школа с углублённым изучением отдельных предметов, сельский социокультурный комплекс и др. В документе подчёркивается, что реструктуризация сети общеобразовательных учреждений должна осуществляться за счет структурно-содержательной модернизации их деятельности, внедрения дистанционных форм и средств обучения на основе компьютеризации и информатизации, что является значительным шагом на пути развития современной сельской школы. Но сельские педагоги понимают, что эта благая идея требует значительных финансовых средств, изыскать которые поручено тем же главам администрации регионов, большая часть которых — дотационные.

Сегодня обсуждаются два варианта её реструктуризации. **Первый** — укрупнение сельских средних школ с организацией подвоза учащихся, расширением охвата детей пришкольными интернатами, созданием ресурсных центров, их компьютеризацией. **Второй** (за который ратует большинство сельских просвещенцев) — максимальное сбережение образовательного потенциала действующей сети сельских школ на основе *развития в структуре сельского округа* интегративных моделей образовательных учреждений, включающих дошкольное, начальное, основное общее или общее среднее (полное) образование, дополнительное и образование взрослых (вечерняя школа, учебно-консультационный пункт и др.). Начальные, основные, средние школы сохраняются при этом на прежней территории, но при новой экономической модели финансирования, создания компьютерной сети в структуре сельских округов или муниципальных образований.

Учитывая различные географические условия, в которых работают сельские школы России, их различную транспортную доступность, состояние дорог, каждый регион и сельский район вправе определить свой вариант реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, дабы избежать известного «принципа» — «хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Предоставление регионам права выбора модели реструктуризации сельской школы — несомненное достоинство правительственного документа.

Всех заинтересованных «субъектов» этого процесса волнует теперь вопрос: какой путь реструктуризации выберут органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, которым дана свобода манёвра?

«Концентрация» и «кооперация» материально-технических, кадровых, финансовых и управленческих ресурсов общеобразовательных учреждений — таковы ключевые слова концепции их реструктуризации. Но не сведётся ли это на практике лишь к одному — укрупнению средних школ? Предлагая такой вариант, авторы документа исходят из того, что в крупных сельских школах и учителя квалифицированнее, и материальная база богаче, и школьное сообщество активнее влияет на социализацию детей. Но у этого варианта уже есть оппоненты. Газета «Первое сентября» (№39, 2000) пишет: «На бумаге это кажется хорошей идеей: заменить десятки маленьких школ одной большой. А на практике всё может обернуться настоящей образовательной катастрофой!»

Отрадно, что в документе четко и ясно обозначено: «начальные образовательные школы, расположенные в сельской местности, сохраняются. Сохраняются и основные общеобразовательные школы, если в них обучается более 40 школьников».

Под реорганизацию, судя по документу, попадают основные школы, в которых менее 40 учащихся. Их в России сегодня 2859. Понимая губительные социальные последствия такого шага снова около трех тысяч деревень сознательно обрекаются на умирание, документ содержит положения рекомендательного характера, адресованные местным властям: «общеобразовательное учреждение основного общего образования с контингентом обучающихся 40 и менее человек при наличии организационно-транспортных условий и расположенного вблизи (до 3 км) другого общеобразовательного учреждения с большим контингентом обучающихся может быть реорганизовано». Но есть ли сегодня это «наличие» транспортных условий?

Документ определяет реорганизацию и полной средней школы с контингентом обучающихся 100 и менее человек, — она преобразуется в школу основного общего образования. Сегодня в России таких школ 3093. **Сокращение числа средних школ, превращение их в основные, означает одно: значительной части сельских школьников Правительство РФ сознательно отказывает в получении среднего (полного) образования.** Закрепленное в Законе РФ «Об образовании» конституционное право на получение общего основного образования не оставляет многим сельским детям из глубинки шансов продолжать образование.

Появление документа вызвано бесспорно, объективными процессами, характерными для современного сельского социума — ухудшающейся демографической ситуацией, которая ведёт к уменьшению числа школьников, увеличению количества малочисленных школ практически во всех регионах России (за исключением густонаселенного Южного Федерального округа), а в результате уменьшения учебной нагрузки — к высвобождению педагогических кадров. Вызвано это и хроническим недофинансированием сельской школы, низкой заработной платой сельского учителя, что ведёт к оттоку молодых специалистов в другие сферы, увеличивает приток неспециалистов.

В числе основных причин разработки документа — необходимость повысить качество образования сельских школьников, устранить противоречия между финансовой затратностью малочисленной сельской школы и низким качеством образования, которое она даёт. Реструктуризация этой школы — объективно назревшая потребность. Но, повторю, есть опасность, что местные власти выберут один-единственный вариант реструктуризации — укрупнение школ. Сегодня в России есть районы (один из них — Троицко-Печорский Республики Коми), где местные власти вследствие огромного хронического дефицита педагогических кадров не видят другого пути решить проблему общего образования иначе, как учить детей в школах райцентра, восстанавливая при них пришкольные интернаты.

Вместе с тем, очевидно: чтобы обеспечить жизнеспособность села, нужно сохранить в нём школу. Не отрывать её от населённого пункта, а максимально приблизить обучение к месту проживания учащихся. Проблему повышения качества образования в малочисленных школах можно решить, но для этого необходимо, чтобы научно-образовательный потенциал институтов повышения квалификации, районных методических центров был активно сориентирован на проблемы малочисленной школы.

В статье «Чего боится Суходол?» марийский журналист Валекий Кузьминых («Марийская правда», № 59, от 30.03.2002), повествует о том, что «нынешнее село Суходол, из небольшой деревушки, одной улицей стоявшей на песчаной гриве, превратилось в большое село, приютив жителей окрестных деревень, попавших в зону затопления...

Очень большой вопрос для Суходола — школа. Нет, она не разваливается от старости, как, например, в селе Васильевском. Как это ни парадоксально звучит, она даже слишком хороша для такой деревни. Проект учебного заведения рассчитывался на 190 детей, а в Суходоле их пока только 33. Вот и опасаются селяне, что кому-то наверху это покажется слишком роскошным — и прикроют школу. А что бывает с деревней, когда в ней негде учить детей? Она, как дерево, которому подрезали корни, постепенно умирает. Школа — стержень деревенской жизни. Она накрепко привязывает людей к земле...» Вот насколько

болезненно воспринимают люди опасность разрушения основы их жизни.

Чрезвычайно важен подход правительства к реализации документа: массовой реструктуризации сети сельских школ должен предшествовать эксперимент в 10 субъектах Российской Федерации, научно-методическое обеспечение которого возложено на Министерство образования РФ. Определён и срок проведения реструктуризации — 2002–2010 гг. Очень важно, чтобы регионы не пошли по проторённому пути — в советское время тотального форсирования процесса преобразования без оглядки на его последствия. От этого зависит станет ли документ Правительства о реструктуризации сети школ, документом надежды или памятником исчезнувшим деревням России.

Объективно есть сегодня все основания для реструктуризации сети общеобразовательных учреждений села: *экономические*; *демографические* (снижение рождаемости, сокращение численности учащихся в школах); *социальные* (ухудшение условий работы сельских учителей; дефицит кадров в малочисленных школах); *педагогические* (вынужденная многопредметность работы сельских учителей, в организации полноценного образовательного и т.д.).

Бесспорно, главный мотив реструктуризации — экономия финансовых средств, сокращение расходов на финансирование затратных малочисленных школ, которых, в силу неблагоприятной демографической ситуации, с каждым годом становится все больше. Обучение одного ученика в них обходится до 12 тыс. в год, (в городе — около 2 тыс.). Совершенно очевидно, что бюджеты многих муниципальных структур при сохранении прежней экономической модели финансирования сельских школ не смогут выдержать такой нагрузки. Однако здесь возникает много вопросов.

Во-первых, и сама реструктуризация, — укрупнение сельских средних школ, организация подвоза учащихся, расширение сети пришкольных интернатов — потребует серьёзных финансовых вливаний. Так что расходы на сферу сельского образования не уменьшатся.

Во-вторых, во многих зарубежных странах, где есть малочисленные школы, стоимость обучения одного ученика тоже выше, чем в городе. Однако есть немало аргументов социального, педагогического, психологического характера, по которым правительства этих стран не спешат реорганизовать маленькие сельские школы.

В-третьих, экономические подсчеты, проведенные в ряде районов Центрального Федерального округа, показали, что финансовые затраты на реструктуризацию явно превысят экономическую выгоду.

Не обернётся ли ожидаемая экономия средств более внушительными финансовыми затратами, не говоря уже о форсировании процесса окончательного разрушения села, удержать который сегодня может только школа; о судьбе земель сельскохозяйственного назначения, обустроить которые могут только крестьяне, живущие на селе и о других последствиях этой политики?

При объективной обусловленности укрупнения сельских школ, кооперации и концентрации их ресурсов для повышения конкурентоспособности в нынешних социально-экономических условиях реструктуризация в масштабах страны при остром дефиците финансовых средств, без создания необходимых условий может обречь саму идею на девальвацию, а село — на окончательное разрушение. В этой ситуации стоит оглянуться на недавнее прошлое, чтобы извлечь исторические уроки ликвидации неперспективных деревень.

В 60–70-х гг. прошлого века один из путей к аграрному благополучию страны увидели в укрупнении колхозов и совхозов, строительстве крупных сельских посёлков городского типа. И началась ликвидация «неперспективных деревень» вместе с их жителями. Сотни тысяч крестьян покинули тогда насиженные места и потянулись в центральные посёлки, а чаще — в город. Парализуя и без того ослабленное личное подсобное хозяйство, развернулось насаждаемое сверху строительство многоэтажных жилых домов в сельской местности — без приусадебных участков, без возможности держать домашний скот.

Начатое ещё в 1950 г. укрупнение колхозов развивалось форсированно, преобразуя всю производственную и социальную инфраструктуру села. Были созданы гигантские неуправляемые колхозы и совхозы. Негативные результаты укрупнения хозяйств отмечали прежде всего сельские жители.

Эти укрупнения и реорганизации обернулись трагедией. Отдалённые сельхозугодья, в том числе и пахотные, оказались заброшенными. При разбросанности и малочисленности поселений, отсутствии коммуникаций, а главное — финансовой нищете колхозов и совхозов идея крупного производственного комплекса оказалась неосуществимой.

Для подавляющего большинства хозяйств гораздо экономичнее была идея создания небольших ферм, которые они могли бы содержать на хорошем уровне с финансовой и кадровой точек зрения. Но стремление превратить регион (Нечерноземье) в крупный животноводческий центр в короткие сроки привело к ликвидации мелких ферм, долгострою больших, и в целом к резкому уменьшению производительности этой отрасли сельского хозяйства. А разрушение исконно сложившегося уклада жизни привело к вымиранию малых российских деревень.

Газета «Правда» (1989, 21 апреля) писала: «Многолетняя кампания по ликвидации так называемых неперспективных деревень привела к потере 68 тыс. школ на селе». В результате в Нечерноземье немало оказалось колхозов и совхозов, не имевших на своей территории даже начальной школы.

Регулярный подвоз детей в школы осуществлялся ограниченно, нерегулярно. Это приводило к массовым пропускам занятий, что влекло снижение успеваемости, рост второгодничества, отсева из школы. Вот какой пример приводит исследователь российской деревни нечерноземья в монографии «Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы» Л.Н. Денисова: «Тяжёлым было положение в поселке Лебяжья Буйского района Костромской области. Родители писали в «Сельскую жизнь»: «Наши дети из пос. Лебяжья ходят в школу с. Плещеево за 6 км пешком. Они идут в дождь, снег, пургу и мороз. Им по 11 лет, ученики 5 класса. Обед дети берут с собой. Это чай и хлеб».

Транспорта для доставки детей в школы остро не хватало. В целом по стране для подвоза учеников к школе только из самых отдаленных деревень необходимо было 24 тыс. автобусов. В 60-е гг. их выделялось всего по 300 в год, а в некоторые годы, например, в 1967-м, не выделялось вовсе. Оставалось либо идти пешком в школу, либо жить в интернате. А что такое оторвать малышей начальных классов от семьи, объяснять сегодня не надо.

Многие пришкольные интернаты располагались в старых, малоприспособленных, а иногда аварийных помещениях без канализации, водопровода, центрального отопления. Достаточно сказать, что в России из 525 проверенных пришкольных общежитий около 90% располагались в старых, деревянных строениях, требовавших капитального ремонта. Но даже такими интернатами обеспечить всех детей не было возможности.

Анализ материалов Министерства просвещения РСФСР показал, что и в 70-е гг. проблема подвоза детей в школы решалась очень трудно. В частности, по этой проблеме было принято несколько постановлений партии и правительства со строгим указанием «обеспечить». Но степень реализации этих строгих предписаний мы уже знаем.

В Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР от 20 марта 1974 г «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» ставилась задача «...завершить к 1990 г. сселение жителей из мелких населённых пунктов в крупные поселки». Планировалось «...сселение 170 тыс. семей из мелких населённых пунктов в благоустроенные колхозные и совхозные посёлки». Но гладко было на бумаге. Реализация этого решения, основанного на прогнозах экономической науки, началась не со строительства новых домов для переселения крестьян, а с отключения электроэнергии, закрытия начальных школ, магазинов, медицинских пунктов. Это повлекло массовый отток населения из деревень, многие животноводческие фермы и другие сельскохозяйственные объекты, расположенные в небольших населённых пунктах, перестали существовать. Селу был нане-

сен колоссальный материальный и ещё больше — моральный ущерб. Вместе с неперспективными деревнями государство породило пласт «неперспективных людей». В города хлынули толпы вынужденных маргиналов «лимитчиков», воплощающих в себе вариант перекасти-поля.

Уже в 77 г. Министерство просвещения РСФСР разрешило «организовывать мелкие начальные школы, если не может быть организован подвоз детей».

В начале 80-х гг. вектор политики в отношении начальных малочисленных школ меняется. Исходя из потребностей сельскохозяйственного производства в кадрах (доярки, механизаторы), правительство берёт курс на сохранение и восстановление малочисленных школ.

В комплексной программе «Сельская школа РСФСР» (1983), утверждённой Министерством просвещения РСФСР, отмечалось, что «размещение школ на селе в 1983–1990 гг. будет проходить с учётом перспектив социального и экономического развития населённых пунктов, территориальной доступности школы... В каждом населённом пункте, связанном с сельскохозяйственным производством, должна функционировать школа». Резкой критике подвергались Министерства просвещения автономных республик, краевые, областные отделы народного образования, формально подходившие к «упорядочению» сети малокомплектных сельских школ.

В 1982–1983 гг. на селе насчитывалось 18,9 тыс. восьмилетних малокомплектных школ (55% от общего числа сельских школ), из них 2,5 тыс. школ имели всего по 5 классов и 16,4 тыс. — 6–7 классов. Средних малокомплектных школ на селе насчитывалось 4,9 тыс. (14,4% от общего числа школ), из них 109 школ имели 6–7 классов и 4,8 тыс. — 8–9 классов. Чтобы обеспечить преподавание всех дисциплин, около трети учителей восьмилетних и десятилетних школ вели по два учебных предмета и более.

Министерства просвещения РСФСР и СССР в 1981–1987 гг. лихорадочно (другого слова не подберу) принимают ряд нормативных документов, нацеленных на совершенствование работы сельских малокомплектных школ и их поддержку (приказы Министерства просвещения РСФСР от 13 августа 1981 г., от 28 февраля 1983 г., от 12 декабря 1984 г., от 5 февраля 1987 г., методические и инструктивные письма и т.д.)

В какой-то мере удалось восстановить оптимизации образовательный процесс в сельских малочисленных школах. Но многое уже было утрачено. В практике российского образования существовали многообразные формы интеграции малочисленных школ с социальным окружением. Широко известен опыт организации сводных сельских дружин, разновозрастных отрядов по месту жительства, инициатором которого стала Костромская область. В сводных сельских дружинах, разновозрастных отрядах, действующих по месту жительства учащихся, оказалась возможной организация многообразной, совместной деятельности детей разного возраста в деревне (общественно полезные дела, тимуровские команды и посты, группы взаимопомощи и посты всеобуча, красные следопыты, юнкорские посты, трудовые бригады, звенья, агитбригады, «Зеленые патрули», патрули порядка, благоустройство сёл и деревень и т.д.). Участвуя в этих делах, пионеры и октябрята, проживающие в одной деревне, выполняли поручения, полученные от общественности села, что повышало их ответственность. К тому же микрорайон сводной сельской дружины территориально совпадал с расположением колхоза, совхоза, с территорией сельского совета, в конечном счете, с производственной зоной, где решались государственные производственные задачи, шло активное включение школьников в жизнь села, в труд односельчан.

Сельские школы, всемерно поддерживая общественно полезную работу детских организаций в социуме, стали открытой системой социализации подростков.

В ряде регионов России был накоплен интересный опыт решения педагогических проблем малочисленных начальных и восьмилетних школ путем интеграции их в воспитательно-образовательное пространство близлежащих крупных средних школ. Такие трудности малокомплектной сельской школы, как профессиональное одиночество учите-

лей, узкий круг общения детей, бедность внешкольных влияний и др., успешно разрешались благодаря опорным школам микросоциума. Активно эта новация развивалась в Пензенской области, где статус опорных имели 116 средних и 2 начальные школы. Опорные школы были для своих «подшефных» (а это 5–6 начальных и восьмилетних) центрами методической работы с учителями, педагогической — с родителями, учебно-воспитательной — с учащимися, т. е. они работали в режиме открытого учебно-воспитательного учреждения. Посещение и анализ открытых уроков учителей; проведение семинаров-практикумов, педагогических чтений, конференций, консультаций; совместное обсуждение актуальных педагогических проблем, обмен поурочными планами, конспектами уроков, наглядными пособиями — всё это повышало профессиональное мастерство учителей малокомплектных школ. Их шефы выезжали к ним в школы, давали уроки там, где не было преподавателя по предмету. Действовали единые методобъединения учителей.

Опорные школы стремились стать центрами внеурочной воспитательной работы с учащимися школ своего микрорайона. Во многих школах стало традицией проведение общих спортивных соревнований школьников микрорайона по волейболу, баскетболу, стрельбе, занятий университета «Молодой воин» в домах культуры.

Сельские опорные средние школы видели перспективу своего развития в создании на своей базе классов с углубленным изучением предметов, профильных классов.

В конце 70-х гг. для преодоления ограниченного социокультурного окружения сельских школ возникла потребность объединить их усилия с деятельностью других социальных институтов с учреждениями культуры, внешкольными и дошкольными. Возникли новые типы и виды школ, которые стали основой социальной педагогики.

В Белгородской, Свердловской и ряде других областей в сельской местности активно стали развиваться учебно-воспитательные комплексы, представляющие собой общеобразовательную школу, объединенную с внешкольными учреждениями и работающую с ними по единому плану и режиму.

Во многих регионах широкое распространение получили общеобразовательные учреждения «школа — детский сад». В Мятлевской школе Калужской области была реализована идея создания школы полного дня. Общеобразовательная школа в содружестве с сельским клубом, библиотекой, родителями взяла на себя задачу обеспечить педагогическое влияние на учебную и досуговую деятельность детей и подростков.

В Коломенском, Воскресенском и ряде других районов Московской области в конце 80-х годов экспериментально апробировалась модель школы с группами продленного дня по месту жительства.

В начале 90-х годов на базе Коткозерской средней школы Олонецкого района Республики Карелия была сформирована модель сельского социокультурного комплекса. В Республике Удмуртия в Увинском районе в п. Чекан создана модель агрошколы, а в Конезаводской школе им. В.К. Блюхера Пермского района Пермской области — сельского лицея.

Так можно ли нам предавать забвению этот бесценный опыт? Неужели снова окажемся мы в положении нерадивых учеников, не усваивающих исторические уроки?

Изменения социально-экономической жизни страны, резкое сокращение государственной поддержки сельского хозяйства, передача финансирования социальной сферы села с федерального уровня на муниципальный, привели к качественно новой ситуации. В большинстве сельских населённых пунктов, особенно тех, где и расположены малочисленные сельские школы, свёртывается сельскохозяйственное производство, приходит в упадок социокультурная сфера, обостряются социальные проблемы. Единственным стабильно функционирующим институтом остаётся сегодня школа. *Наличие школы* в сотнях тысяч малых деревень России — это факт присутствия государственной структуры в жизни села и, если хотите, *факт присутствия государства в жизни людей*. Закрытие школы, даже малочисленной, финансовозатратной, под предлогом реструктуризации воспринима-

ется людьми не иначе, как брошенность села государством на произвол судьбы.

«Для нас очень важно само присутствие учителя на селе, сельского интеллигента, задающего культурный уровень среде», — говорит начальник Главного управления образования Курганской области Б.А. Куган. — Уберите учителя из села, и вы получите деградирующую среду.

Современное российское село, как и всё общество, переживает тяжелейший демографический кризис. В сложившихся условиях выход — в развитии общеобразовательных учреждений «школа — детский сад». Однако действующее сегодня положение даёт право на объединение только начальной школы и детского сада, хотя **давно назрела потребность в нормативном документе, определяющем статус «основная школа — детский сад», «средняя школа — детский сад».**

В современном сельском социуме школа становится *центром развития образования на селе*. В условиях села только на ее базе могут создаваться и полноценно функционировать различные структуры дошкольного образования (группы временного пребывания детей и т. д.). На базе многих основных и средних школ действуют филиалы учреждений дополнительного образования, вечерние школы или учебно-консультационные пункты. **Поэтому ликвидация основной или средней малочисленной школы в том или ином населённом пункте повлечет за собой разрушение образовательного центра села, ускорит деградацию сельской общины.**

Особенности системы образования в сельском округе дают основания рассматривать школу как фактор развития дошкольного, дополнительного и образования взрослых на селе.

Суть нового статуса сельской школы заключается в том, что в условиях свёртывания социокультурной сферы села она переходит от общеобразовательного учреждения к социокультурному центру, расширяет свои функции. И этот аргумент нельзя не принять во внимание при реструктуризации.

Реально ли сегодня создать условия для реструктуризации сети общеобразовательных учреждений? В России есть отдельные районы и даже регионы (как правило, это регионы экономического благополучия), которые пошли по пути укрупнения школ. Но: подобные решения должны базироваться на создании комплекса условий, обеспечивающих эффективность перестроечного процесса. Выделю главные.

1. Наличие транспортных средств для подвоза учащихся, принадлежность этих средств органам образования. Совершенно очевидно, что базовая школа должна иметь свои транспортные средства (автобус, микроавтобус), содержать в штате водителей (причём двух, на случай болезни одного из них), оплачивать их труд, располагать средствами на покупку бензина. В целях безопасности детей не будет лишним, если во время подвоза их будет сопровождать педагог, труд которого также необходимо оплачивать.

Однако уже сегодня руководители муниципальных образований отмечают нарастающие трудности в подвозе детей к школе. На протяжении последних десяти лет парк транспортных средств практически не обновлялся, требует ремонта, имеет место дефицит горюче-смазочных материалов. К примеру, в Курганской области обеспечение учащихся подвозом сократилось с 99,2% в 1998 г. до 97,5% в 2001 г. Растёт число учеников, которые добираются до школы пешком или подвозятся родителями.

2. С первым условием тесно связано второе — наличие хороших дорог в сельской местности. Приняв решение об организации подвоза учащихся, смогут ли местные власти обеспечить ремонт или строительство сельских дорог, которые всегда находились в весьма плачевном состоянии. А сегодня — тем более.

3. Наличие пришкольного интерната в базовой школе. Базовая школа должна располагать средствами на его содержание — питание детей, оплату труда воспитателей, обслуживающего персонала, сторожа. Многим базовым школам потребуется финансовая помощь в ремонте или строительстве пришкольного интерната.

4. Трудоустройство или переобучение высвободившихся учителей малочислен-

ных школ. Очевидно, что реорганизация малочисленных основных и средних школ приведёт к высвобождению многих педагогических работников, породит безработицу. Смогут ли муниципальные власти, органы управления образованием изыскать средства на переобучение, высвободившихся учителей? Смогут ли их трудоустроить?

5. Нормативное закрепление статуса базовой школы, а также ее филиалов и других, предлагаемых в документе общеобразовательных учреждений. Чтобы базовая школа смогла неформально выполнять дополнительные функции по отношению к школам-филиалам, необходимо разработать положение о базовой школе предусматривать выделение финансовых средств на выполнение его новых функций. Вот что пишет по этому поводу в приложении к газете «Первое сентября»: «Когда в Министерстве образования подсчитали, сколько автобусов понадобится для удовлетворения нужд сельских школ ещё без реструктуризации, а хотя бы для того, чтобы обеспечить сегодняшний подвоз детей, то оказалось, что количество необходимых средств сопоставимо с годовым бюджетом образования всей страны. Кроме того, всем ясно, что содержать и обслуживать школьные автобусы в сибирских селах, где расстояние от села до села исчисляется десятками, а то и сотнями километров, порой даже убыточно. Не говоря уже о детском здоровье, когда в 30-градусный мороз поездка на автобусе может быть крайне вредной. О расширении сети интернатов и речи нет — там в любом случае нас ждёт ухудшение качества образования. Все эти аргументы говорят не в пользу тотальной реструктуризации сельской школы».

Вывод отсюда один: условий для реструктуризации пока нет, и она не должна проводиться тотально-волевым решением сверху.

- Какими могут быть последствия реструктуризации сети общеобразовательных учреждений села? Опираясь на исторический опыт ликвидации неперспективных деревень в 70-е гг. и исходя из прогнозирования результатов новой реорганизации малочисленных школ, можно обозначить её последствия. О многих из них уже шла речь («умирание» деревень, заброшенность земель, отток молодёжи из деревни, безработица среди учителей).

- Но есть ещё несколько тревожных последствий — рост социальной напряжённости, деградация сельской общности, утрата молодым поколением сельского образа жизни, традиций. Известно, что дети, живущие в интернатах, теряли культуру своих предков. На севере, например, матери не могли научить дочерей шить теплые торбасы, а мужчины — научить сыновей пользоваться гарпуном. Но и чужую, навязанную им культуру дети не принимали и в результате теряли себя — пьянствовали, бездельничали, деградировали, во взрослом состоянии бросали семьи. Жизнь в интернате атрофирует волю. То же происходило и с горскими народностями в Дагестане, когда закрывали высокогорные школы: к жизни на равнине переселенцы приспособиться не могли, у них другая психология. Подобных примеров немало приводит А. Цирульников, заведующий лабораторией Института педагогических инноваций РАО. Уничтожение маленьких школ приведёт к уничтожению уникальности и самобытности жизни людей в сельской местности, к ослаблению не только родительского, но и общественного контроля за детьми.

Проблема реструктуризации сети общеобразовательных учреждений села затрагивает государственные интересы России в освоении земель сельскохозяйственного назначения, в сохранении трудовых ресурсов села, в решении проблемы продовольственного обеспечения силами отечественных производителей и в целом продовольственной безопасности страны.

Как уже было сказано выполнение решения Правительства РФ по реструктуризации возложено на регионы, требует вложения немалых финансовых средств. Однако, большинство регионов России являются дотационными и такими средствами не располагают. А начинать реструктурирование сети сельских школ без создания организационно-педагогических, материальных и других условий просто нельзя.

Курс Правительства РФ на реструктуризацию противоречит социальным ожиданиям сельского учительства и не воспринимается им иначе, как очередной удар по сельской школе, по престижу сельского учителя.

«Запуск» эксперимента в регионах требует от Минобразования РФ — нормативно-правового его обеспечения реструктуризации — определения статуса базовой школы; начальных школ, в которых планируется организовать обучение учащихся пятых и sixth классов; территориальных школьных объединений; сельских социокультурных комплексов, других новых типов и видов общеобразовательных учреждений; разработки рекомендаций по созданию вариативных моделей реструктуризации, адекватных условиям различных регионов.

В некоторых российских регионах уже есть первый опыт реструктуризации сети сельских школ. Так в журнале «Педагогическое Зауралье» (2000, №4) Б.А. Куган, начальник Главного управления образования Администрации Курганской области пишет: «На наш взгляд, наиболее перспективной формой структурной перестройки организации общего образования в условиях сельской местности является создание территориальных школьных (образовательных) объединений (ТШО), представляющих собой единую систему обучения и воспитания детей дошкольного возраста и учащихся общеобразовательных школ, проживающих на территории одной или нескольких сельских администраций.

Объединение создается постановлением главы администрации района по представлению муниципального органа управления образованием на добровольной основе. В его состав входят образовательные учреждения различных уровней, средняя или основная общеобразовательная школа выделяется в качестве головной, остальные являются филиалами.

Все структурные подразделения выполняют совместные задачи на основе единого комплексного плана работы. Возглавляет ТШО генеральный директор, а все вопросы, связанные с организацией учебно-воспитательного процесса, решает педагогический совет, объединяющий всех педагогов ТШО. Это позволяет рассматривать на педсоветах проблемы, обсуждение которых организовать в малочисленных коллективах довольно сложно.

В ходе реализации этой модели создаётся возможность для определённой рационализации сети школ. Оптимальным представляется вариант реорганизации малочисленных средних школ в основные, объединяющиеся наряду с малокомплектными начальными школами вокруг базовой средней школы, в которой сконцентрированы необходимая учебно-материальная база, кадровый потенциал, есть интернат для проживания и автобус для подвоза учащихся».

Чувашская Республика и Самарская область относятся к числу трех регионов, которые, начиная с 2000 г. участвуют в эксперименте по реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности, под научным патронажем Высшей школы экономики. Вот модели реструктуризации в этих регионах.

В Чувашской Республике вместо малокомплектных школ создаются образовательные центры с оптимальными социально-экономическими параметрами, с полноценной материальной базой, высококвалифицированными учителями, с таким современным образовательным ресурсом, как интернет. Таких школ по мнению Президента Чувашской Республики Николая Фёдорова, не может быть много. Они — своеобразные центры для целого «куста» деревень, «школьного округа». Но именно в них Правительство республики предполагает вкладывать средства, концентрировать здесь старшеклассников, избавляться от обучения по типовой программе, от учителя, преподающего 3–5 предметов.

Реструктуризация идёт по-разному. Где-то лучшим вариантом оказалось объединение начальной школы с детским садом, где-то начальная школа входит в состав соседней, основной. Но начальные школы не закрываются, более того, открываются новые, если есть такая потребность у населения. Много усилий уходит на укрупнение полных средних школ, которые дают профильное среднее образование.

В информационно-аналитических материалах отдела экономики Департамента науки и образования администрации Самарской области отмечается: реструктуризация сети образовательных учреждений привела к тому, что 84 сельские школы области стали структурными подразделениями других общеобразовательных учреждений; число учреждений

дошкольного образования сократилось на 51, из них 18 — за счёт уменьшения численности детей, 33 учреждения, стали структурными подразделениями комплекса школа-сад. Число работников образования в расчёте на одного ученика, таким образом, сократилось. В 2000 г. число юридически самостоятельных школ сократилось на 37; число учреждений дошкольного образования сократилось на 34, из них 18 учреждений стали подразделениями комплекса школа-сад, 9 — структурными подразделениями школ и 7 детских садов закрыто. Число штатных работников сократилось на 512. Пока это только первые шаги, и делать какие-то определённые выводы рано.

* * *

Основным фактором, определяющим жизненные перспективы сельской школы, повышение качества образования сельской детворы, является экономическая политика Правительства РФ в отношении села, обеспечение государственной поддержки сельскому хозяйству. Если в ближайшие годы будет взят курс на развитие аграрного сектора страны, на сохранение села, то можно прогнозировать развитие вариативных моделей общеобразовательных учреждений, адаптированных к условиям конкретного микросоциума.

Сегодня в стране сложились внутренние и внешние предпосылки для **системной модернизации сельской школы** (а не только для односторонней реструктуризации сети сельских общеобразовательных учреждений). Необходим широкий социально-педагогический эксперимент по апробации оптимальных (с точки зрения педагогики и экономики) моделей развития сельских школ, адекватных требованиям новой экономики и условиям регионально-территориальных образований. Для демократического обсуждения этой проблемы государственного масштаба целесообразно поручить главам администраций субъектов Российской Федерации сформировать на межведомственной и междисциплинарной основах временные научно-исследовательские коллективы специалистов (демографы, экономисты, педагоги, психологи, экономисты-аграрии, социологи) для **разработки региональных вариантов модернизации сельской школы, с учётом современных научных концепций.**

Необходимо на уровне Правительства РФ утвердить программу опытно-экспериментальной работы, условия её финансирования, сроки эксперимента, научные учреждения, отвечающие за её проведение.

Поспешность в этом важнейшем деле приведёт лишь к новой трагедии села, пагубно отразится на судьбах России и будущих поколений её граждан.

Литература

Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2001 г. № 871 «О реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности».

Гурьянова М.П. Реструктуризация сети сельских школ: правильно выбрать маршрут. / В сб. Образование в сельском социуме: проблемы и инновационный опыт. — М.: Изд-во АСОПиР РФ, 2001.

Гурьянова М.П. Учитель — ключевая фигура перемен. / В сб. Россия: третье тысячелетие. Спецвыпуск вестника актуальных прогнозов «Образование». — С. 57–58.

Газета «Сельская жизнь». 21–27 февраля 2002 года, № 12 (22724). Бунин и Пастернак дойдут до села. Интервью с министром образования России Владимиром Филипповым.

Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. — М.: Институт российской истории РАН, 1996.

Клячко Т. Сохранить и приумножить. / В сб. Россия: третье тысячелетие. Спецвыпуск вестника актуальных прогнозов «Образование». — С. 54–56.

Куган Б.А. Сельская школа Зауралья: проблемы, поиски, стратегия развития. / Педагогическое Зауралье, 2000, № 4. — С. 9–16.

Лосевская Е. Школьный автобус идет до интерната. / Первое сентября. 27 мая 2000 г, № 39.

Никоненко И. Сельская школа: быть или не быть? / Управление школой. 7 февраля 2001 г.

Русинов И.В. «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8.

Федоров Н. Действовать, а не стоять в стороне. / В сб. Россия: третье тысячелетие. Спецвыпуск вестника актуальных прогнозов «Образование». — С. 60–61.

Инновации в обучении и воспитании учащихся сельских малочисленных и национальных школ: Сборник научных статей. / Под ред. В.И. Безрукова. — М.: Изд-во ИПСР, 2002.